

ПРЕДИСЛОВИЕ

Период 2013—2017 гг. в российском правопорядке стал временем продолжения и завершения реформирования гражданского законодательства, начатого с принятием Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации в октябре 2009 г. и фактически закончившегося летом 2017 г. принятием новой редакции глав Гражданского кодекса РФ о так называемых «финансовых» (банковских) сделках: договорах займа, кредита, факторинга, банковского вклада, банковского счета и расчетных отношениях¹. Иные (к сожалению, ставшие многочисленными и постоянными) изменения, вносимые законодателем в нормы ГК РФ, нельзя считать его сознательным реформированием. Они не опираются не только на положения Концепции развития гражданского законодательства РФ, но и вообще на какие-либо продуманные концептуальные положения и чаще всего возникают спонтанно, обычно под влиянием давления тех или иных лоббистских кругов (что, в частности, имело место при неожиданном «реформировании» норм наследственного права). В результате этого в действующем гражданском законодательстве начали появляться парадоксальные правила: например, увлечение законодателя постоянным созданием все новых «самостоятельных видов» юридических лиц (овладевшее им уже после введения в действие в 2014 г. новых правил гл. 4 ГК РФ) привело к объявлению благотворительного фонда публично-правовой компанией с сохранением его первоначальной организационно-правовой формы, но с одновременным наделением правом эмиссии облигаций². Но, возможно, именно это последнее

---

¹ См.: Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4761.

² Пока это странное положение коснулось лишь «Фонда защиты прав граждан — участников долевого строительства» — см. п. 1 ст. 2 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ «О публично-правовой компании по защите прав граждан — участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков

обстоятельство и стало поводом к принятию столь удивительного законодательного решения.

Однако гораздо хуже то, что положения названной Концепции и основанного на ней законопроекта о внесении изменений в ГК РФ остались нереализованными в своей наиболее важной части, относящейся к вещному праву, которое составляет фундаментальную основу гражданского оборота. Если сравнить современное отечественное гражданское право со зданием, то можно сказать, что в результате прошедшей реформы ГК РФ по существу остался неприкосновенным старый советский фундамент в виде явно устаревших норм земельного и градостроительного законодательства (к тому же нередко не согласующихся с нормами гражданского права). Зато теперь он снабжен «суперсовременной» английской крышей в виде широко разрекламированных некоторыми адвокатскими кругами отдельных новых норм договорного права, а также акционерных соглашений, позволяющих развивать договорную свободу в сфере корпоративного права (в том числе путем тайного привлечения к управлению коммерческими корпорациями третьих лиц, не участвовавших в формировании их уставного капитала). В какой мере такая «конструкция» сохранит устойчивость и тем более — будет способствовать развитию рыночного оборота, должно показать время.

Но уже сейчас можно констатировать неизбежность вызванного отменной ситуацией искажения многих традиционных гражданско-правовых конструкций и подходов. Очередным отечественным «козлотуром» в этой области стал «инвестиционный контракт», используемый для застройки находящихся в публичной собственности земельных участков на основе их «аренды». Последняя не только приобрела у нас «вещно-правовую природу», но и предполагает завершение отношений по использованию чужой недвижимой вещи не возвратом ее собственнику-арендодателю, а оставлением у арендатора путем приватизации (как следует из правил п. 1 ст. 39.20 Земельного кодекса РФ¹). Разуме-

---

и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4767.

¹ Аналогичные по сути правила ст. 16 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» (СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 15) автоматически превращают граждан, ставших собственниками жилых помещений в многоквартирных жилых домах, в долевых собственников земельных участков, находившихся в публичной собственности (а не в собственности «застройщиков»), на которых расположены такие дома, т.е. фактически также допускают приватизацию земли, но хотя бы не наделяют граждан возможностью «аренды» этих земельных участков с их последующим выкупом.

ется, необходимо всячески содействовать объединению у одного лица права собственности на земельный участок и на находящееся на нем строение. Но тогда надо прямо сказать, что речь идет не о договоре аренды, а об особой форме приватизации публичного имущества, в основном проходящей за рамками гражданского права. В сфере гражданского права в таких ситуациях традиционно используется классическое вещное право застройки, на восстановление которого в отечественном правопорядке была направлена подготовленная реформа вещного права. Однако вместо этого наш законодатель использовал «открытую» отечественными экономистами во времена перестройки идею принудительной «аренды с выкупом», которая в условиях появления частной собственности на землю выглядит по меньшей мере странно (будучи абсурдной, во всяком случае, применительно к взаимоотношениям обычных частных собственников).

К числу таких же «козлотуров» можно отнести предусмотренные новой редакцией Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»¹ «специализированные общества» в форме специализированных финансовых обществ и специализированных обществ проектного финансирования. Их прообразом стали получившие определенное распространение на американском финансовом рынке *Special Purpose Company* (или *Special Purpose Vehicle* — *SPV*), специализирующиеся на покупке долговых требований, на которые ими выпускаются облигации, передаваемые затем в траст управляющим компаниям. В российской интерпретации в отсутствие траста получились такие коммерческие организации, которым *запрещено* создавать какие-либо коллегиальные органы, иметь штат работников и даже объявлять и выплачивать дивиденды (ст. 15.2 Закона о рынке ценных бумаг), что никак не соответствует традиционным представлениям о правовом статусе хозяйственных обществ.

Противодействие такого рода подходам, распространившимся в современной законотворческой и правоприменительной практике, определило научно-практическую и педагогическую деятельность автора в указанный выше период. В настоящем издании им собраны научные работы, опубликованные в 2013–2017 гг. по проблемам формирования и систематизации российского корпоративного права, реформирование (а во многом — воссоздание) которого в отечественном правопорядке последовало в 2014 г. путем принятия новой редакции

---

¹ См.: подп. 9 ст. 5 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6669.

гл. 4 Гражданского кодекса РФ о юридических лицах, а также вещного права, кардинальная реформа которого в соответствии с названной выше Концепцией была подготовлена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства и даже принята в первом чтении Государственной Думой РФ в апреле 2012 г. в составе тогда еще единого законопроекта о новой редакции Гражданского кодекса РФ, однако по разным причинам так и осталась нереализованной. В качестве заместителя председателя названного Совета автор принимал непосредственное участие в этой законопроектной работе, в частности, возглавляя рабочую группу по подготовке реформы законодательства о юридических лицах. Этим объясняется его особый интерес к указанной проблематике, а также преобладание в настоящем сборнике работ, касающихся статуса корпораций и других юридических лиц.

В противоположность этому анализ развития российского вещного права, проект реформирования которого, к сожалению, фактически заморожен, в обозримое время возможен лишь *de lege ferenda*. Кстати, новейшей истории отечественной кодификации гражданского законодательства известен пример подобной искусственной «заморозки», касавшийся именно комплекса норм вещного права, — такая судьба первоначально постигла принятую в 1994 г. в составе первой части ГК РФ его гл. 17, посвященную вещным правам на землю¹. Ее неизбежная «разморозка» последовала лишь в 2001 г., незадолго до принятия нового Земельного кодекса РФ, соотношение с которым впоследствии составило предмет ряда дискуссий и разъяснений². Не исключено, что аналогичная судьба уготована и проекту изменений вещного права в действующей части второй ГК РФ. В основе этой ситуации лежит очевидное опасение законодателя признать приоритет гражданско-правовых норм в определении правового режима земельных участков как объектов недвижимости (тем более что подавляющее большинство земельных ресурсов сохраняется в публичной собственности). Однако последовательное развитие рыночного хозяйства, как показала практика, все равно рано или поздно потребует использования в правовом оформлении земельных отношений всего гражданско-правового инс-

---

¹ См.: ст. 13 Федерального закона от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3302.

² См., например: Постановление Пленума ВАС РФ от 24 марта 2005 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» // Вестник ВАС РФ. 2005. № 5.

трументария, и прежде всего — системы ограниченных вещных прав, а не только права собственности и «аренды».

Поэтому автор уверен, что в будущем отечественному законодателю, несомненно, предстоит так или иначе вернуться к рассмотрению проекта новой редакции Раздела II ГК РФ, посвященного вещному праву. Косвенным свидетельством этой необходимости можно считать появление в конце 2016 г. разработанной Министерством экономического развития РФ Концепции изменений федерального законодательства, направленных на создание правового режима единого объекта недвижимости. Данная Концепция (к сожалению, не подвергавшаяся публичному обсуждению и официально не опубликованная) предусматривает постепенный переход отечественного правопорядка от традиционной для него множественности видов недвижимых вещей к их принципиальному объединению в единый объект — земельный участок путем признания находящихся на нем зданий и строений не самостоятельными вещами, а составными частями земельного участка (при условии их принадлежности собственнику земельного участка), т.е. к традиционному пандектному пониманию недвижимости.

Правда, разработки созданного на основе этой концепции законопроекта о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ в части регулирования недвижимости (представленного на обсуждение Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства в феврале 2018 г.) кардинально изменили свой подход. В данном законопроекте было предложено закрепить в ст. 130 ГК РФ в качестве основного вида недвижимости «сооружения», которые «могут выступать в гражданском обороте обособленно от других вещей» (включая, по-видимому, и земельные участки, на которых они находятся). Более того, со ссылкой на английский (!) опыт, в пояснительной записке к этому законопроекту указывается на целесообразность перехода в будущем к «концепции трехмерной недвижимости» (разумеется, проигнорировав то обстоятельство, что в английском праве вообще отсутствует континентально-европейское понятие недвижимости, поскольку категория «*real property*» охватывает прежде всего не вещи, а разнообразные юридические титулы (*estate*) на них). Постоянный поиск светлых идей в генетически чужеродном для российского правопорядка англо-американском праве уже давно стал *conditio sine qua non* (необходимым условием) законотворческой деятельности Министерства экономического развития РФ. Поэтому он не вызывает удивления, но предвещает, как минимум, новые дискуссии относительно правового режима недвижимости, который, в свою

очередь, во многом предопределяет законодательное оформление всей подотрасли вещного права.

В последние годы автору удалось обобщить свои взгляды по проблематике корпоративного и вещного права в монографических исследованиях¹. Помещенные в настоящем издании публикации по общим и отдельным вопросам этих подотраслей гражданского права в ряде аспектов уточняют и детализируют высказанные им позиции и потому также заслуживают внимания. Кроме того, их основное содержание заключается в оценке итогов состоявшейся реформы гражданского законодательства в области корпоративного права и перспектив реформирования вещного права (подготовке и началу проведения указанной реформы был посвящен предшествующий сборник избранных трудов автора за 2008–2012 гг.²).

Поскольку непосредственным поводом для настоящего издания стал юбилей автора, представилось целесообразным включить в сборник краткие воспоминания о его Учителе — профессоре Московского университета, многолетнем заведующем кафедрой гражданского права юридического факультета Вениамине Петровиче Грибанове (1921–1990) (после необходимого редактирования и уточнения ранее опубликованного текста), а также полный список научных, учебных и иных опубликованных автором работ.

По завершении работы над настоящим сборником пришла печальная весть о скоропостижной кончине доцента кафедры гражданского права юридического факультета МГУ и фактического руководителя издательства «Статут» Владимира Саурсеевича Ема, с которым автор находился в многолетних тесных дружеских отношениях. В.С. Ем, будучи необычайно глубоким исследователем проблем частного права и талантливым университетским педагогом, внес неограниченный вклад в развитие отечественной цивилистической литературы, науки и преподавания гражданского права, в том числе в качестве основного издателя и редактора серии книг «Классика российской цивилистики» и журнала «Вестник гражданского права», а также неизменного соавтора учебников по гражданскому праву, подготовленных авторским коллективом кафедры гражданского права юридического факультета МГУ. По его инициативе и при его непосредственной поддержке в издательстве «Статут» были опубликованы многие научные работы

---

¹ См.: Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014; *Его же*. Вещное право: Научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017.

² См.: Суханов Е.А. Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: Избранные труды 2008–2012 гг. М.: Статут, 2013.

автора, включая настоящий сборник. Неожиданный уход из жизни этого замечательного, светлого человека стал для его многочисленных друзей, коллег и учеников тяжелой, невозполнимой утратой, о которой они не забудут до конца своей жизни. Издание данного сборника статей следует рассматривать как реализацию одного из многочисленных издательских проектов незабвенного В.С. Ема.

Москва, январь – февраль 2018 г.

Е.А. Суханов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заведующий кафедрой гражданского права
юридического факультета МГУ

Часть I. Проблемы кодификации корпоративного права

1. Кодификация законодательства о юридических лицах

Проблемы корпоративных отношений в проекте новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации

1. В настоящее время в России идет активная законотворческая работа по подготовке новой редакции Гражданского кодекса (ГК РФ). После принятия в первом чтении законопроекта о внесении изменений и дополнений в ГК РФ, последовавшего 27 апреля 2012 г., в ноябре 2012 г. он по решению Государственной Думы РФ был «раскассирован» на девять отдельных частей – формально самостоятельных законопроектов.

30 декабря 2012 г. была принята и подписана Президентом РФ первая из этих частей – Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹, а в апреле 2013 г. во втором и третьем чтениях была принята вторая часть изменений, касающихся норм гл. 9–12 части первой ГК (о сделках, представительстве и доверенности, исчислении сроков и исковой давности). На очереди – изменения в нормах гл. 6–8, касающиеся объектов гражданских прав (включая ценные бумаги и защиту нематериальных благ).

Из числа уже принятых изменений одним из наиболее принципиальных является вступившая в силу с 1 марта 2013 г. новая редакция ст. 2 ГК РФ, посвященной отношениям, регулируемым гражданским

---

¹ Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7627.

законодательством. Теперь в ней прямо сказано, что именно гражданское законодательство «регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения)». Иначе говоря, закон прямо закрепил корпоративные отношения в качестве предмета гражданского права.

Тем не менее вокруг конкретных правил об определенных изменениях гражданско-правового статуса корпораций, предлагаемых для внесения в гл. 4 ГК РФ «Юридические лица», до сих пор продолжают множественные и весьма острые дискуссии. Новая редакция этой главы ГК в основном составляет предмет самостоятельного законопроекта, который планируется рассмотреть во втором чтении в июне 2013 г.

2. Следует отметить, что наибольшие споры как в правительственных кругах, так и в бизнес-сообществе вызвала именно предлагаемая законопроектом модернизация норм о юридических лицах – корпорациях. Главными оппонентами разработчиков законопроекта (рабочей группы Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, представленной главным образом работниками Исследовательского центра частного права при Президенте РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ) выступили Министерство экономического развития РФ и влиятельная рабочая группа по созданию Международного финансового центра (МФЦ).

Предметом разногласий здесь были и остаются три основные проблемы: 1) необходимость уставного (твердого) капитала хозяйственных обществ (акционерных и с ограниченной ответственностью); 2) роль корпоративного (акционерного) соглашения; 3) виды корпораций. К ним можно также добавить и вопросы об упрощении регистрации (создания), а также реорганизации и ликвидации юридических лиц; о двух- или трехзвенной структуре управления хозяйственными обществами (иначе говоря, о необходимости выделения в числе органов таких обществ наблюдательных советов, которые действующим законодательством крайне неудачно отождествлены с советом директоров); о введении в Гражданский кодекс понятия «аффилированные лица» и замены им категорий «материнское» и «дочернее общество» и некоторые другие проблемы.

Достигнутые в этих вопросах компромиссы в действительности не устраивают ни одну из сторон, которые в ходе парламентского обсуждения законопроекта фактически стремятся к их возможному пересмотру. Основу разногласий составляет принципиально различный подход к содержанию и общей направленности гражданско-правового регулирования

корпоративных отношений: разработчики законопроекта стремились к их упорядоченному и четкому оформлению, основанному на балансе интересов всех участников гражданского оборота, тогда как их оппоненты требуют максимальной свободы и расширения диспозитивного регулирования организации и функционирования корпораций (хозяйственных обществ) в интересах главным образом крупного бизнеса.

При этом одним из основных аргументов являются ссылки на англо-американское корпоративное право, якобы предоставляющее безграничную свободу предпринимательской деятельности, а также на необходимость повышения «инвестиционной привлекательности» российского правопорядка и занимаемого Россией места в различных международных рейтингах (что, строго говоря, вообще не имеет прямого отношения к гражданскому, в том числе к корпоративному праву).

3. Действующее российское законодательство, подобно законодательству большинства европейских континентальных государств (и праву Евросоюза), традиционно требует от хозяйственных обществ наличия минимального (твердого) уставного капитала. Вместе с тем данное требование носит символический характер не только с точки зрения его объема (10 тыс. руб., т.е. примерно 250 евро для обществ с ограниченной ответственностью), но и содержания, ибо в счет этой суммы фактически допускается внесение абсолютно любого имущества, вплоть до старой мебели, изношенной одежды и т.п.

Первоначальная редакция законопроекта предусматривала 10-кратное увеличение этой суммы и ее внесение в денежной форме, что вызвало резкий протест Минэкономразвития, потребовавшего полной отмены минимального капитала хозяйственных обществ как «избыточного требования», не имеющего никакого экономического смысла и являющегося «пережитком экономики XIX века». Любопытно, что этот довод явно почерпнут из американской литературы по корпоративному праву (являющейся главным, если не единственным источником идей и законодательных предложений большинства наших экономистов и ряда юристов).

Его необоснованность для российского правопорядка представляется очевидной, ибо его реализация ведет к закреплению господства в гражданском обороте юридических лиц — «пустышек», заведомо не способных платить по своим долгам (в настоящее время более $\frac{3}{4}$ из примерно 4 млн всех российских юридических лиц выступают в форме обществ с ограниченной ответственностью). Вместе с тем в действительности он показывает свою полную несостоятельность и с позиций современного зарубежного опыта.

4. Относительно реального зарубежного опыта можно отметить, что даже в тех европейских континентальных правовых системах, где в середине 2000-х годов было формально разрешено создание «компаний одного евро» (сначала Франция, а затем – Германия), они не получили фактического распространения, в том числе из-за особенностей законодательства о несостоятельности (банкротстве).

Во Франции они наталкиваются на широкую возможность привлечения в ходе банкротства к личной имущественной ответственности директоров и учредителей/участников обществ с ограниченной ответственностью, созданных с «заведомой недокапитализацией», с помощью специального иска – *action en comblement du passif* (ст. L 652-1 и L 651-3 Торгового кодекса в редакции Закона от 26 июля 2005 г.). Это привело здесь к преимущественному созданию таких обществ со средним капиталом в 3 тыс. евро и практическому отсутствию «обществ одного евро»¹.

В Германии же «компании одного евро» автоматически попадают в состояние неплатежеспособности, и до формирования ими обычного уставного капитала в 25 тыс. евро их управляющие в соответствии с § 64 Закона об обществах с ограниченной ответственностью не только обязаны публично объявить об этом, но и несут неограниченную ответственность по их долгам личным имуществом².

В подавляющем большинстве случаев европейские правовые системы сохраняют требование твердого уставного капитала для всех хозяйственных обществ.

Что касается англо-американского права, то здесь обычное отсутствие требований к минимальному капиталу *business corporation* восполняется требованием обязательного проведения специальной «проверки на состоятельность» (*Solvency test*) при любом «распределении» (выплате, продаже и т.д.) принадлежащего компании имущества, которая призвана гарантировать удовлетворение иных (оставшихся после «распределения») требований ее кредиторов и фальсификация которой влечет серьезную уголовную и административную ответственность проводивших ее директоров компании. Известны и более жесткие требования: например, Корпоративный кодекс штата Кали-

¹ См. об этом: *Urbain-Parleani I.* Das Kapital der Aktiengesellschaft in Frankreich // Das Kapital der Aktiengesellschaft in Europa. Zeitschrift für Unternehmens- und Gesellschaftsrecht. Sonderheft 17. Berlin, 2006. S. 580.

² См., например: *Wicke H.* Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbH). Kommentar. München, 2008. S. 67.